

Роберт Асприн

МИФЫ
ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ МИФ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
А90

Серия «Мастера фэнтези»

Robert Asprin

ANOTHER FINE MYTH
MYTH CONCEPTIONS
MYTH DIRECTIONS
HIT OR MYTH
MYTH-ING PERSONS
LITTLE MYTH MARKER

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения JABberwocky Literary Agency, Inc. (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Асприн, Роберт.

А90 **МИФЫ. Великолепный МИФ:** [сборник : перевод с
английского] / Роберт Асприн ; — Москва : АСТ, 2015. —
880 с. — (Мастера фэнтези).

ISBN 978-5-17-092680-0

Юному ученику мага Скиву с планеты Пент не повезло — его наставник гибнет при попытке вызвать чудовище, сковав его пентаграммой. Однако... монстр оказался не таким уж и страшным и даже вызвался стать новым учителем Скива!

Вот только соглашение между юным простачком и демоническим хитрецом ввергнет Скива в такие передраги, каких он не мог и вообразить.

**УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-17-092680-0

© Robert Asprin, 1978, 1980,
1982, 1983, 1984, 1985
© Перевод. В. Федоров, 2015
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ЕЩЕ ОДИН ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ МИФ

Another fine myth — у Роберта Асприна почти во всех названиях обыгрывается созвучность слова **myth** со словами и словообразующими частицами **miss**, **mess**, **mis-** и тому подобными.

Another fine mess — «Еще одна крутая передряга» — самый распространенный рекламный слоган чуть ли не ко всем фильмам, в которых снимались знаменитые комики 30-х годов прошлого века Лорел и Харди. В каждом фильме их герои за что ни брались — все приводили в беспорядок (**mess**) или попросту ломали.

Эта книга посвящается Борку Непображаемому (известному меньшему числу смертных как Джордж Хант), чья грубоватая, но преданная дружба помогла мне преодолеть не один кризис в прошлом... и смею надеяться — поможет и в будущем!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Есть многое на свете, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам.*

Гамлет*

 ДНО из немногих все искупающих качеств наставников, я полагаю, заключается в том, что при случае их можно одурачить. Это было верно, когда мать учила меня читать, это было верно, когда отец пытался сделать из меня фермера, и это верно теперь, когда я обучаюсь магии.

— Ты совсем не практиковался! — прервал мои размышления резкий упрек Гаркина.

— А вот и нет! — возразил я. — Просто это очень трудное упражнение.

Словно в ответ левитируемое мною перо начало дрожать и колебаться в воздухе.

— Ты не сосредоточиваешься, — обвинил он меня.

— Это ветер, — не согласился я.

Мне хотелось добавить: «От того, что ты так орешь», — но я не посмел. Гаркин в самом начале наших уроков продемонстрировал свое неумение ценить дерзких учеников.

— Ветер! — презрительно фыркнул он, передразнивая меня. — Вот как надо, болван!

Мой мысленный контакт с предметом моей сосредоточенности прервался, и перо вдруг взмыло к потолку. Там оно дернулось

* Читатель должен помнить, что к эпиграфам, открывающим каждую главу «МИФических историй», не следует относиться слишком серьезно. — *Примеч. ред.*

и остановилось, словно вонзившись во что-то, хотя все еще находилось в футе от деревянных стропил, потом оно стало медленно вращаться вокруг своей оси, а затем перевернулось и заскользило по невидимому кругу, словно подхваченный смерчем лист.

Я набрался смелости и посмотрел на Гаркина. Он развалился в кресле, свесив ноги, и явно посвящал все свое внимание пожиранию жареной ножки ящероптицы — могу добавить, пойманной мною. Ничего себе сосредоточенность!

Тут он вдруг поднял голову, и наши глаза встретились. Отворачиваться было слишком поздно, и поэтому я просто поглядел на него в ответ.

— Проголодался? — Посреди его вымазанной жиром седоватой бороды вдруг обнаружилась волчья усмешка. — Тогда покажи мне, много ли ты напрактиковался.

Мне потребовалось всего мгновение, чтобы понять, что он имел в виду, затем я с отчаянием поднял глаза. Перо медленно снижалось и было уже на высоте плеча. Заставив внезапное напряжение покинуть тело, я мысленно протянул руку. Мягко, об разуа подушку, не сшибая его...

Перо остановилось в двух ладонях от пола. Я услышал тихий смешок Гаркина, но не позволил ему нарушить мою сосредоточенность. Три года я не давал перу коснуться пола, не дам и сейчас.

Медленно-медленно я поднял перо, пока оно не остановилось на уровне глаз. Затем, обернув его мыслью, стал вращать вокруг своей оси, после чего заставил перевернуться. В ходе моих экзерсисов движения пера были не такими гладкими и уверенными, как тогда, когда этим занимался Гаркин, но оно безошибочно двигалось по заданному ему пути.

Хотя с пером я не практиковался, но все же практика в левитации у меня была. Когда Гаркин отсутствовал или был занят собственными исследованиями, я посвящал большую часть своего времени левитированию металлических предметов — если точнее, ключей. Каждому виду левитации присущи свои особые проблемы. С металлом трудно работать, потому что это материал инертный. Перо, когда-то бывшее частью живого существа, откликалось легче... намного легче. Для поднятия металла требовалось усилие, для маневрирования пером требовалась ловкость. Из этих двух материалов я предпочитал металл. Мне виделось прямое применение навыка работы с ним в выбранной мной профессии.

— Уже прилично, малец. А теперь положи его обратно в книгу.

Я улыбнулся про себя.

Книга лежала в раскрытом виде на краю рабочего стола. Я опустил перо по плавной ленивой спирали, давая ему слегка пройти по страницам, поднял вверх по крутой дуге, остановил и повел обратно. Когда оно во второй раз приблизилось к книге, я высвободил часть своего мозга для броска вперед. Перо чиркнуло по страницам, книга захлопнулась, словно челюсти голодного хищника, схватив мой снаряд на лету.

— Хм-м-м... — протянул Гаркин. — Чутьочку напоказ, но эффективно.

— Всего лишь малость из того, что я разработал, пока практиковался, — небрежно бросил я, мысленно протянув руку к другой ножке ящероптицы. Однако, вместо того чтобы грациозно проплыть к моей ожидающей руке, она осталась на деревянной тарелке, словно пустила корни.

— Не так быстро, мой маленький воришка. Значит, ты практиковался, да? — Он задумчиво гладил бороду, не выпуская из руки полуобгрызенной кости.

— Разумеется, разве незаметно? — Мне пришло в голову, что Гаркина не так легко одурачить, как иногда кажется.

— В таком случае я хотел бы посмотреть, как ты зажжешь свечу. Если ты практиковался так много, как утверждаешь, это должно быть для тебя легко.

— Я не возражаю против попытки, но, как ты сам столько раз говорил, уроки не даются одинаково легко.

Хоть я и напускал на себя уверенный вид, настроение у меня упало, когда в ответ на вызов Гаркина большая свеча проплыла к рабочему столу. За четыре года попыток я все еще не преуспел в этом упражнении. Если Гаркин собирался не подпускать меня к еде, пока я не научусь, мне, видимо, долгое время придется оставаться голодным.

— Послушай, о Гаркин, мне пришло в голову, что я, вероятно, лучше сосредоточусь на полный желудок.

— А мне пришло в голову, что ты меня обманываешь.

— Разве нельзя...

— Приступай, Скив.

Коль скоро он назвал меня по имени, его было уже не поколебать. Уж это-то я за годы общения с ним усвоил. Малец, вор, идиот, репоголовый — не слишком приятные имена, тем не менее,

пока он называл меня одним из них, на него еще можно было повлиять. Но как только он прибежал к моему настоящему имени, дело это становилось безнадежным. И впрямь огорчительное положение, когда звук твоего собственного имени становится дурным предзнаменованием.

Ну, если уж уклониться никак нельзя, значит, придется просто стараться изо всех сил. Для такого дела не может быть никаких полуусилий или показной сосредоточенности. Мне придется использовать каждую унцию моих сил и умения для вызова мощи.

Я отвлеченно изучал свечу, отгораживая предстоящее усилие от своего сознания. Помещение, в котором мы находились, заваленный всякой всячиной рабочий стол, Гаркин, даже мой собственный голод постепенно померкли, когда я сфокусировался на свече, хотя давно уже запомнил все ее особенности.

Свеча была толстая, почти шести дюймов в диаметре, чтобы уравновесить ее десятидюймовую высоту. На ее поверхности я вырезал многочисленные мистические символы, старательно скопировав их по указаниям Гаркина с его книг; правда, многие из них были частично уничтожены затвердевшими ручейками воска. Свеча горела много долгих часов, освещая мои занятия, но всегда зажигалась от огня в очаге, а не от моих усилий.

Негативное мышление. Прекрати.

На этот раз я зажгу свечу. Я зажгу ее, потому что нет никаких причин, почему бы мне ее не зажечь.

Сознательно углубляя дыхание, я начал накапливать мощь. Мой мозг сузился еще больше, пока в сознании не осталось только одно — свернувшийся, почерневший фитиль свечи.

Я — Скив. Мой отец — фермер, неразрывно связанный с землей. Моя мать была образованной женщиной. Мой учитель — мастер-маг. Я — Скив, я зажгу эту свечу.

Я почувствовал, что сам становлюсь теплым, когда во мне начала нарастать энергия. Я сфокусировал жар на фитиле. Подобно своему отцу, я черпаю силы от земли. Знания, данные мне матерью, подобны линзе, они дают мне возможность сфокусировать то, что я приобрел. Мудрость моего учителя направляет мои усилия на те точки вселенной, которые, вероятнее всего, поддадутся моей воле. Я — Скив.

Свеча оставалась незажженной. Теперь на лбу у меня выступил пот, я начал дрожать от усилий. Нет, это неправильно. Мне не следует напрягаться. Расслабься. Не пытайся нажимать. На-

пряженность мешает течению энергии. Надо дать ей перетекать свободно, служить ей пассивным проводником. Я удвоил свои усилия, одновременно заставив себя расслабиться, сознательно давая мышцам лица и плеч обмякнуть.

Течение стало заметно интенсивнее. Я почти видел, как энергия струится от меня к моей цели. Я вытянул палец, который еще больше сфокусировал энергию. Свеча оставалась незажженной.

Я не могу этого сделать. Негативное мышление. Прекрати. Я — Скив. Я зажгу свечу. Мой отец... Нет... Негативное мышление. Не полагайся по части своей силы на других. Я зажгу свечу, потому что я — Скив.

За эту мысль я был вознагражден внезапным приливом энергии. Я умножил усилия, опьяняясь мощью. Я — Скив. Я сильнее любого из них. Я сбежал от попыток отца приковать меня к плуту, как он приковал моего брата. Моя мать умерла из-за своего идеализма, но я использовал ее наставления, чтобы выжить. Мой учитель — доверчивый дурак, взявший в ученики вора. Я обставляю их всех. Я — Скив. Я зажгу свечу.

Теперь я парил. Я сознавал, какими карликами делали мои способности тех, кто меня окружал. Не важно, зажгу я свечу или нет. Я — Скив. Я — могуч.

Я почти с презрением мысленно протянул руку и коснулся фитиля. Словно в ответ на мою волю появилось маленькое яркое тление.

Пораженный, я выпрямился, не вставая с табурета, и моргнул, глядя на свечу. Когда я это сделал, тление исчезло, оставив в память о себе маленький белый дымок. Я слишком поздно сообразил, что нарушил сосредоточенность.

— Великолепно, малец!

Гаркин вдруг оказался рядом со мной, с энтузиазмом колотя меня по плечу. Долго ли он тут был, я не знал и не интересовался.

— Она погасла, — уныло проговорил я.

— Это не важно. Ты зажег ее. Теперь у тебя есть уверенность в своих силах. В следующий раз это будет легче, совсем легко. Клянусь звездами, мы еще сделаем из тебя мага. Но ты, должно быть, проголодался.

Я едва успел вовремя поднять руку и перехватить оставшуюся ножку ящерицы, прежде чем та шмякнула меня по лицу. Она уже остыла.

— Не стану скрывать, малец, я уже начал отчаиваться. Чем труден для тебя был этот урок? Разве тебе не приходило в голову,

что ты смог бы воспользоваться этим заклинанием для получения добавочного света при необходимости взломать замок или же для вызова пожара, чтобы отвлечь внимание?

— Я думал об этом, но добавочный свет может как раз привлечь внимание. Что же касается пожара, то, боюсь, при этом кто-то может пострадать. Я не хочу, чтобы кто-то пострадал, я просто...

Я остановился, слишком поздно сообразив, что говорю. Тяжелый удар Гаркинова кулака отправил меня с табурета на пол.

— Так я и думал! Ты все еще замышляешь стать вором! Ты хочешь использовать мою магию для краж!

Он был ужасен в своей ярости, но на сей раз я дал ему отпор.

— Ну и что из того? — огрызнулся я. — Это куда лучше, чем голодать. И вообще, что хорошего в том, чтобы быть магом? Я хочу сказать, твой здешний образ жизни вызывает у меня просто неудержимое желание достичь того же!

Я показал на замусоренную комнату, составлявшую все внутреннее пространство хижины.

— Послушайте, как жалуется этот волчонок, — фыркнул Гаркин. — Мой образ жизни был достаточно хорош, когда зима выгнала тебя из леса воровать. «Это куда лучше, чем спать под кустом», — сказал ты.

— И все еще лучше. Вот почему я все еще здесь. Но я не собираюсь провести здесь остаток своей жизни. Прятаться в лесной избушке — не то будущее, о котором я мечтаю. Ты жил, питаешься кореньями и ягодами, пока не пришел я и не начал ловить мясо на жаркое. Может, ты, Гаркин, так и представляешь себе счастливую жизнь, но я — нет!

Несколько долгих мгновений мы прожигали друг друга взглядами. Теперь, выплеснув гнев, я начал ощущать страх, и немалый. Даже не имея обширного опыта в данной области, я подозревал, что насмехаться над магом — не самый лучший способ обеспечить себе надежное и сытое будущее.

Удивительно, но первым уступил Гаркин. Он вдруг опустил взгляд и склонил голову, предоставив мне на обозрение редкое зрелище нечесаной массы волос у него на макушке.

— Наверное, ты прав, Скив. — Голос его стал странно мягким. — Наверное, я показал тебе только трудности магии, ее труды, но не вознаграждение за них. Я постоянно забываю, сколь принижена магия в этих краях.

Он поднял глаза и снова встретился со мной взглядом, и я вздрогнул, как от удара. В глазах его не было гнева, но в их глубине горел никогда раньше не виданный мною огонь.

— Так знай же, Скив, что не все края похожи на этот и я не всегда был таким, каким ты видишь меня сейчас. В краях, где магию признают, вместо того чтобы страшиться, как здесь, те, кто находится у власти, уважают магов и приглашают к себе на службу. Там умелый и умеющий держать себя в руках маг может нажить в сто раз больше богатства, чем ты рассчитываешь добыть воровством, и приобрести такую власть, что...

Он вдруг оборвал речь и помотал головой, словно прочищая ее. Когда он вновь открыл глаза, огонь, увиденный мною ранее ярко горящим, теперь, казалось, едва тлел.

— Но слова не производят на тебя впечатления, не так ли, малец? Пойдем, я устрою для тебя небольшую демонстрацию той власти, которую ты однажды сможешь держать в своих руках, если будешь как следует учить уроки.

Веселость в его голосе была принужденной. Я согласно кивнул, отвечая его горящему взгляду. Собственно, никаких демонстраций мне не требовалось. Его тихая краткая речь нагнала на меня куда больше благоговейного страха, чем любая гневная тирада или демонстрация, но мне не хотелось возражать ему в такой момент.

Вряд ли Гаркин даже заметил мой кивок. Он уже шагал к большой пентаграмме, навсегда начертанной на полу хижины. На ходу он не глядя повел рукой, и покрытая сажей медная жаровня шмыгнула со своего места в углу, чтобы встретить его в центре пентаграммы.

У меня хватило времени подумать о том, что именно эта жаровня и привлекла меня впервые к Гаркину. Я вспомнил, как в первый раз заглядывал в окно его избушки, стараясь распознать и зафиксировать ценные предметы для последующей кражи. Я увидел Гаркина таким же, каким столь часто видел его с тех пор, — беспокойно вышагивающим взад-вперед по помещению, уткнувшись носом в книгу. Это и так было удивительным зрелищем, ибо чтение — не самое обычное времяпрепровождение в этой местности. Но мое внимание захватила жаровня. Она скакала по помещению, следуя за Гаркином, словно нетерпеливый щенок, который слишком воспитан, чтобы из дружеских чувств прыгнуть на своего хозяина. Тем временем Гаркин оторвался от книги, задумчиво уставился на свой рабо-

чий стол, а затем кивнул, приняв решение, и повел рукой в воздухе. Из кучи всякой всячины поднялся горшок с неизвестным содержимым и подплыл к поджидавшей его руке. Гаркин поймал горшок, снова сверился с книгой и, не поднимая глаз, что-то из него вылил. Быстрая, как кошка, жаровня протиснулась ему под руку и поймала вылитое, прежде чем оно достигло пола. Вот так я и познакомился с магией.

Что-то мгновенно вернуло мое внимание обратно к настоящему. Что именно? Я проверил, как дела у Гаркина. Нет, он все еще трудился, полускрытый плавающими облаками пузырьков и кувшинов, что-то бормоча, когда выдергивал один из них из воздуха и добавлял его содержимое в жаровню. Над чем бы он там ни трудился, зрелище обещало быть захватывающим.

Затем я снова услышал это — приглушенный шаг за стеной избушки. Но это же было невозможно! Гаркин всегда устанавливал... Я начал копаться в памяти. Я не мог вспомнить, установил ли Гаркин на этот раз защиту, прежде чем приступить к работе. Нелепо. Осторожность была первым и самым важным делом, что вдолбил в меня Гаркин, и составная часть этого дела — устанавливать защиту каждый раз. Забыть он, конечно, не мог... просто был слишком занят другими мыслями.

Я все колебался, не следует ли мне попытаться прервать труд Гаркина, когда он вдруг отступил на шаг от жаровни. Его взгляд парализовал меня, и предупреждение умерло в моем горле. Не время было напоминать о реальности. Глаза Гаркина вновь сверкали огнем, сильнее, чем прежде.

— Даже из демонстрации следует извлекать урок, — поучающе заявил он. — Контроль, Скив, контроль — это оплот магии. Бесконтрольная сила — это катастрофа. Вот почему ты практикуешься с пером, хотя можешь передвигать куда более крупные предметы. Контроль. Даже твои скудные силы были бы без него опасны, и я не стану учить тебя большему, пока ты не научишься этому контролю.

Он осторожно вышел из пентаграммы.

— Чтобы продемонстрировать тебе важность контроля, я сейчас вызову демона, существо из другого мира. Он могуч, жесток и злобен и убьет нас обоих, если дать ему шанс. И все же, несмотря на это, нам незачем его бояться, потому что он будет находиться под контролем. Он не сможет причинить нам вреда, нам или чему бы то ни было в этом мире, покуда он заключен в этой пентаграмме. А теперь смотри, Скив. Смотри и учись.

Сказав это, Гаркин опять повернулся к жаровне. Он развел руки в стороны, и, когда это сделал, разом ожили пять свечей по углам пентаграммы и линии ее запылали жутким голубым светом. Несколько минут стояла полная тишина, а затем Гаркин принялся тихо бормотать что-то нараспев. Из жаровни появилась ниточка дыма, но вместо того чтобы подниматься к потолку, дым потек на пол и начал собираться в небольшое облако, которое бурлило и пульсировало. Пение Гаркина сделалось громче, и облако выросло, потемнело. Жаровню было уже почти не видно, но там, в глубине облака... что-то приобретало очертания...

— Иштван шлет тебе привет, Гаркин!

При этих словах я чуть не выпрыгнул из собственной кожи. Они прозвучали внутри хижины, но не из пентаграммы! Я резко обернулся к их источнику. В дверях стояла фигура, ослепительная в своем сверкающем золотом плаще. Какой-то безумный миг я думал, что это демон ответил на призыв Гаркина. В следующий момент я увидел арбалет. Это был человек, спору нет, но взведенный и заряженный арбалет в его руках мало способствовал моему душевному спокойствию.

Гаркин даже не обернулся посмотреть.

— Не сейчас, дурак! — рывкнул он.

— Охота была долгой, Гаркин, — продолжал тот, словно не расслышав. — Ты хорошо спрятался, но не надеялся же ты и в самом деле скрыться от...

— Как ты смеешь?! — Ужасный в своем гневе, Гаркин резко повернулся, оторвавшись от своего занятия.

Теперь вошедший увидел лицо Гаркина, увидел его глаза. Лицо гостя исказилось в гротескной маске страха. Он рефлекторно выпустил стрелу из арбалета, но опоздал. Я не увидел, что именно сделал Гаркин, все произошло слишком быстро, но обладатель золотого плаща вдруг исчез в снопе пламени. Он пронзительно закричал в агонии и упал на пол. Пламя исчезло так же внезапно, как и появилось, оставив только дымящийся труп как доказательство того, что оно действительно было.

Несколько мгновений я оставался приросшим к месту, прежде чем смог двигаться или хотя бы говорить.

— Гаркин... — произнес я наконец. — Я... Гаркин!

Тело Гаркина мешком лежало на полу. Я одним прыжком очутился рядом с ним, но было слишком поздно. Из его груди торчала в безмолвной окончательности стрела арбалета. Гаркин дал мне свой последний урок.